

“К незримому кругу гармонии...” Диалог с журналом “Новый век” (г. Томск)

Нам представляется, что современное человечество переживает ныне не просто некий системный (а значит – очередной, а значит – он может быть проходным...) кризис, но вплотную подошло к осязаемой гуманитарной катастрофе. Нарастает грандиозное агрессивное взаимонепонимание представителей различных культурно-цивилизационных формаций, а сами понятия Цивилизация и Культура соотносятся теперь как едва ли не взаимоисключающие. Путь, пройденный человечеством от “Восстания масс” до “Деволуции человека”, смотрится как эсхатологический маршрут, выводящий нас к трагической потере человеком РОДОВЫХ своих свойств. Речь идет о принципиальном обмелении духовной и душевной жизни, фактическом прекращении Диалога с Традицией, утратой ощущения Большого Времени культуры (выражаясь по-бахтински), роковом падении авторитета книги – и на этом фоне процветании суррогатов, подделок всех уровней, имитаций и еще раз имитаций...

“История закончилась, осталась длимая современность”.

Разделяете ли Вы нашу тревогу, в чем Вы видите главные угрозы человечеству, находите ли место для надежды, есть ли у Вас, с ВАШЕЙ БИОГРАФИЕЙ, основания полагать, что лекарства от расчеловечивания могут быть определены и предложены?

Дорогие друзья! Анкета составлена в таких глобальных масштабах, что мои ответы, особенно по № 1, только скользнут по поверхности. ГП

Вашу тревогу я полностью разделяю. Человечество впервые может само себя погубить. Какой-нибудь идиот с огромными средствами разрушения всегда найдется. Можно, впрочем, надеяться, что островки жизни и культуры уцелеют и потрясенные люди, как после потопа, сделают несколько шагов к лучшему. Или, при другом сценарии, вырождение христианской цивилизации отдаст гегемонию Китаю, и из сложившегося тупика китайцы будут вылезать на свой, китайский манер, за который я не ручаюсь.

Мне кажется очень важным понять, что все отдельные принципы, как они ни заманчивы (свобода, справедливость и т. п.), становятся разрушительными, когда перестают быть касательными к незримому кругу гармонии. Сталкиваясь друг с другом, они сплетаются в венок культуры. Вырвавшись из него и устремившись в дурную бесконечность, по логически безупречной колее, подобной теории Раскольникова, они кончаются бессмысленными убийствами. В романе Достоевского дело ограничилось двумя жертвами, Бакунин требовал трех миллионов голов, Ленин практически это осуществил, но сортиров из золота не построил. И тогда из крови, пролитой мучениками и фанатиками идеи, выросли драконы, упивающиеся самим запахом человеческих мучений; они хорошо описаны Даниилом Андреевым. Все эти “уицраоры” пользуются отдельными идеями как дубинками, из этого вытекает общая задача защитников культуры: отстаивать первенство духовной цельности против каких бы то ни было абстракций. Вспомним слова, которые цитирует Шмеман: “Принципы – это то, чем люди заменили Бога”, писал какой-то англичанин. Принципы должны быть поставлены на место. Надежда на это не умирает во

мне”.

В эпоху всесилья массовой квазикультуры и торжества релятивистски-игровых настроений в так называемых элитных культурных сообществах находится ли место СЕРЬЕЗНОЙ литературе с ее пафосом неповторимой человеческой личности, психологизмом, с ее совестными интенциями, с ее трагедийностью? Приходится констатировать: на планете вымирают поэты и поэзия, место больших мыслителей и художников занимают всевозможные кастаньеды и козлю. Это пугает. Можно ли жить без ИСКРЕННЕЙ литературы и философии? Могут ли выжить литература и философия? Нужно ли это? (В конце концов, когда Миф сменялся Историей, это пахло концом света, но он не наступил, и сам Миф не умер, то прекрасно, то безобразно возвращаясь к нам...) Если литература нужна, то какой ей быть? И как ей себя вести? Вполне серьезные люди рассуждают о том, что литература исчерпала себя, сказала все, что могла и хотела сказать, – и повторять за великими бессмысленно. Да и кому это нужно в контексте пресловутой деволюции человека?

Единой читательской аудитории никогда не было, так же как нет единой публики концертов, художественных выставок, кинотеатров. Мне было 15 лет, когда меня захватил Шекспир, а в 20 я погрузился в Тютчева, Толстого и, наконец, Достоевского, который до сих пор мой любимый романист. И сегодня Достоевский одних влечет, других пугает. Оглядываясь назад, я вижу, что меня захватывали книги, написанные в пору великих кризисов, когда “порвалась цепь времен” (Гамлет) и творческое меньшинство пыталось как-то найти, где выход из кризиса. Но если оружие слишком сильно бряцает, то музы молчат. Есть ли сегодня условия для глубоких книг? Хотя бы в жанре дневника? Есть дневники Пришвина, Шмемана... Есть ли условия для великих стихов, для современных псалмов, подобных псалмам Давида и хокку Басе (они писались в очень тревожное время)? Есть, по-моему, “Сонеты к Орфею”, и “Дуинские элегии” Рильке не ниже Давида.

В современной России впервые за 200 лет национальная литература не участвует ни в “воспитании народном”, ни хотя бы в воспитании элиты общества. Напротив, эта самая элита не любит серьезной, ОБЯЗЫВАЮЩЕЙ литературы, не заинтересована в ней кровно. К чему это приведет? Вам известно, в каком прискорбном положении находятся ныне писатели, насколько они деморализованы и маргинализированы, особенно в провинции, из которой и вышли почти все светочи литературы XIX–XX веков. Должно ли государство помогать ей – или мы это уже проходили? А если все-таки должно, то как? Или же все не так уж и плохо, и “образуется само собой”?

Элита – это не министры и не олигархи. Пушкин называл высшее общество светской чернью. Элитой был сам Пушкин. И в конце концов влияние Пушкина оказалось сильнее, чем влияние графа Уварова с его “самодержавием, православием и народностью”. Сегодня правят не отдельные лица, а дух наживы. Есть признаки, что этот дух слабеет, что сыновья олигархов, окончившие Оксфорд или Сорбонну, начинают искать чего-то поглубже. Культура сама себя защищает, заражая людей, вдохновляя защитников. В 1939 году я назвал Достоевского величайшим русским писателем и был за это осужден кафедрой русской литературы и не допущен в аспирантуру за антимарксистское выступление. Но Достоевскому это не повредило. Не повредит и защита молодежи от трудного чтения. Кому нужно, прорвется к Достоевскому. Увлечь, разъяснить может учитель. А заставить читать то, что пугает, – безнадежное дело. Те, кому нужен Достоевский, найдут его, как я нашел Достоевского в эпоху Большого террора.